

ХРОНИКИ СОЮЗА КОРОЛЕВСТВ

СЕМЬ ГВОЗДЕЙ С ЗОЛОТЫМИ ШЛЯПКАМИ

Книга 3

Анна Дашевская

Хроники Союза королевств

Анна Дашевская

**Семь гвоздей с
ЗОЛОТЫМИ шляпками**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дашевская А.

Семь гвоздей с золотыми шляпками / А. Дашевская —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Хроники
Союза королевств)

Лавиния Редфилд знакома читателям по двум первым книгам цикла ("Кастрюлька с неприятностями" и "Принцы только такое всегда говорят"). Она следователь Службы магической безопасности Союза королевств, маг-боевик со стажем более четырех сотен лет, профессор Магической Академии в Лютеции. Именно она обнаруживает и обезвреживает заговор темных магов. А по дороге спасает принцев, королей и секретарш, обучается магии вуду, знакомится с баньши и призраком, преподает, заводит романы и расследует преступления.

© Дашевская А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анна Дашевская

Семь гвоздей с золотыми шляпками

Глава 1

Разумеется, Марсиана валялась в моем любимом кресле возле камина.

Никому не известно, почему, но и я, и моя кошка предпочитали то кресло, что стоит правее – хотя слева точно такое же, с такой же гобеленовой обивкой, мягкими подушками и скамеечкой для ног.

– Бакстон!

– Слушаю, мадам! – дворецкий материализовался за моей спиной.

– Бакстон, позовите Марсиану на кухню и налейте ей молока.

– Осмелюсь заметить, мадам, Марсиана предпочитает сливки пятнадцатипроцентной жирности.

Я удивилась. Никогда не замечала за своей кошкой склонности к чревоугодию.

– Марсиана, неужели у тебя так изменились вкусы? – она все-таки повела ухом. Что ж, со стороны кошки это можно считать проявлением уважения.

На низком столике рядом с камином уже был приготовлен поднос с моим ежевечерним набором – графин с aqua vita (шестнадцатилетний островной нектар, напиток богов – если боги могут себе это позволить, конечно), подставка с любимыми трубками и несколько жестянок с табаком.

Ну да, я курю трубку. С тех самых пор, как оставила полевую работу.

Пробовала и сигары, но, честно говоря, трубочный дым мне вкуснее, да и для исследований подходит лучше. Он гуще.

Впереди длинные выходные, bank holidays, я никуда не спешу и никого не жду сегодня.

Камин у меня в малой гостиной, потомки называют ее «бабушкина полосатая комната». Те потомки, которые вообще бывали в моем доме. В тот момент, когда я ее обновляла, мне понравился полосатый шелк из Тариссы, его еще называют «паучий»; так что шторы и подушки как раз и сделаны из этого прекрасного, плотного, совершенно не истирающегося шелка. А поскольку в зимние вечера я курю именно здесь, все прочие члены моей семьи уверяют, что без кислородной маски в эту гостиную не зайдешь.

Бакстон снова возник рядом с моим креслом совершенно незаметно, вот только что была лишь красно-оранжевая загогулина на ковре, и, на тебе – ее попирают черные блестящие ботинки моего дворцового.

– Могу ли я запереть двери на ночь, мадам?

– Да, Бакстон, запирайте и идите спать, сегодня я никого не жду.

– Благодарю Вас.

Дважды щелкнул замок парадной двери, тихонько звякнули ставни в библиотеке, в столовой, скрипнул ставень французского окна в большой гостиной... Горничные давно разошлись по своим комнатам – только я оставалась у камина в любимом кресле, да Марсиана сидела у огня и щурилась.

Еще пару месяцев назад рядом, в моем кабинете, вздыхала и щелкала клавишами компьютера Марджори, моя компаньонка и секретарша на протяжении последних тридцати лет. Но в конце апреля она поссорила со мной (да-да, не МЫ поссорились, я вообще практически

не принимала участия в этом позорище, только молчала и хлопала глазами). Поссорилась и мгновенно отбыла, не оставив адреса.

Почему позорище?

Ну, а как еще можно назвать сцену, устроенную одной женщиной неопределенного возраста «очень сильно за 80» другой женщине такого же возраста, и, Боже мой, из-за чего? Из-за мужчины!

Должна ли я сознаться, что последний мужчина, из-за которого я готова была беспокоиться, был моим же мужем? Последним. Ну да, третьим, ну и что?

Я вздохнула и посмотрела на фотографию Ласло, стоящую на столике – грех был бы жаловаться, он был хорошим мужем. Хотя и умер невовремя, оставив меня разбираться с кучей неоплаченных счетов, неверных решений, с истеричными женщинами, с нововведениями на семейных предприятиях, которые и так прекрасно работали не первый десяток лет, и прочая, и прочая... И как можно было в пятый раз использовать те же бочки из-под шерри для закладки односолодового aqua vita? Даже моя праправнучка Дани, а ей всего восемь, прекрасно знает, что четвертая закладка – последняя!

Мой коммуникатор, лежащий рядом с графином, тихонько хрюкнул. Странно, кто бы мог вызывать меня в такое время?

Новым секретарем я так и не обзавелась, поэтому пришлось самой пойти в кабинет и подтвердить принятие вызова.

– Я слушаю!

Экран оставался темным, но голос я узнала. За тридцать лет голос Марджори Оллесун я изучила лучше, чем список собственных вкладов в гномьих банках.

– Лавиния, я в беде!

– Говори, – я нажала на клавишу записи. Да, я и сейчас могу воспроизвести прочитанный текст или услышанный разговор дословно, но запись еще никогда не мешала.

– Камни Коркорана! Лавиния, прошу тебя! – она всхлипнула. – Эти... они убьют меня!

– Давай, старушка, шевели мослами! – голос, вмешавшийся в разговор, был определенно мужским. И определенно очень неприятным.

Не говоря уже о том, что назвать меня старушкой не рискнул бы даже городской сумасшедший. Тем временем, неприятный собеседник продолжал. – Сложи камушки в мешок, мешок в сумку. Добавь туда же пять тысяч золотых дукатов и жди нового звонка.

Соединение было разорвано, и в трубке зазвучали короткие гудки.

Ну что же, по-видимому, мне нужно возвращаться к активной работе. Я отставила в сторону стаканчик с виски, вышла из гостиной, и поднялась на второй этаж в кабинет. Сейф был традиционно расположен за картиной, натюрмортом с мелкими розочками в голубой вазе. Один из сейфов, тот, в котором я хранила бумаги, драгоценности и деньги. Второй, с артефактами, был вмурован в пол и закрыт паркетной шашкой и ковром.

Конечно, пять тысяч дукатов – сумма немаленькая, но она была в наличии и наличными. Я планировала некоторые покупки, не вполне законные, а контрабандисты, известное дело, предпочитают наличные.

– Бакстон! – дворецкий появился на мгновение раньше, чем я его позвала. – Принесите мне старый замшевый портфель Ласло. Он должен быть...

– В гардеробной, мадам. Минуту.

Ну, минута – не минута, но портфель был доставлен очень быстро. Я переложила в него тяжеленькие замшевые мешочки с золотом, еще один мешочек сунула в свою любимую сумку и заперла верхний сейф. Теперь откинуть ковер...

На нижнем сейфе нужно было набрать код, активировать отпирающее заклинание, набрать второй код, снять охранное заклинание, набрать третий код и только тогда открыть винтовой замок. Возможно, кому-то это покажется слишком длинной дорогой к цели. Мне

– нет, особенно после того, как прошлым летом мой двенадцатилетний праправнук Люсьен вскрыл два из трех замков этого сейфа.

Я достала из его стальной глубины коробку из дерева оливы, расчерченную медными и свинцовыми узорами, поставила ее на письменный стол и проделала в обратном порядке всю последовательность действий. Потом вернулась к столу и медленно приподняла крышку коробки. Камни были на месте, все восемь. Невзрачные с виду, больше всего похожие на пемзу, темно красные с черными и бурыми пятнами, все в дырках от застывших пузырьков. Томас Коркоран, мой довольно дальний предок, примерно девятьсот лет назад принес их из Нижнего мира. Как он смог попасть туда, и, более того – не только вернуться живым, но и принести с собой что-то материальное, так никто и не узнал, хотя Томас прожил после этого еще лет сто. По семейной легенде, сильно похожей на правду, его ладони так и остались обожженными до конца дней.

Ничего хорошего не будет, если эти камни попадут в чужие руки, хотя они и считаются магически инертными...

Вот вопрос, брать ли их с собой? Если у меня серьезный противник, то, очень возможно, их придется отдать. Если же нет, то, может быть, лучше и не выносить камни из дома? С другой стороны, эту шкатулку тоже так просто не откроешь.

Решено, беру с собой. Марджори нужно выручать в любом случае.

Ладно, теперь оружие.

Ключи от оружейной комнаты были только у меня. Даже Бакстон, которому я доверяю на все 146 процентов, туда не заходил. Более того, он не знал, как эта комната открывается, а там тоже были свои тонкости. Я вошла, пропустив вперед магический фонарик и аккуратно закрыв за собой дверь, и окинула взглядом полки. Ну, все тяжести оставим на месте, я все же не танк, а женщина. Пожалуй, возьму галлийский бластер, его заряда хватает на несколько десятков выстрелов. Еще пару метательных ножей... да, вот эти, они отлично сбалансированы. И десяток звездочек рассовать по разным кармашкам. Кожаные браслеты на запястьях скрыли по паре монет с остро заточенным краем, незаметный под одеждой матерчатый пояс – пузырьки с разными ценными жидкостями, от снотворного, способного свалить и слона, до прекрасных свежих ядов.

И хватит, пожалуй. Все-таки мне противостоит не армия, а несколько отморозков-наемников, слабо представляющих себе, куда сунулись и кому угрожали.

Все время сборов я поглядывала на экран коммуникатора, но он молчал. Видимо, негодяи считали, что я начну сильнее волноваться, если подержать меня в неизвестности подольше. Что ж, спасибо им за это, они дали мне время на подготовку.

Кстати, если похитители думали, что голос Марджори дрожал от страха, то и здесь они промахнулись. Женщина, проработавшая моим секретарем тридцать лет, видывала всякие ситуации, и запугать ее нелегко. Видимо, ее сочли слабым звеном, застали врасплох и ночью. Обычно Марджори всегда имела при себе хотя бы дамский миниган, этакий крошечный бластер на два – три заряда, размером в половину ладошки.

Ну, сейчас эта лирика несвоевременна. Мне нужно еще обеспечить себе прикрытие с тыла; я, знаете ли, весьма ценю свои тылы.

Разумеется, любой из моих учеников – а их за сто с лишним лет преподавания накопилось немало – с удовольствием принял бы участие в предстоящей охоте, но я, пожалуй, ограничусь двумя нынешними выпускниками. Им и полезно будет размяться, и в качестве подготовки к дипломной практике это приключение зачтется.

– Джалед? – на экране коммуникатора появилось смуглое, слегка сонное лицо моего дипломника ас-Сирхани, весьма способного студента родом из правящей семьи Парса. – Просыпайся, мальчик, ты мне нужен!

- Да, профессор! – он утвердительно моргнул.
- Буди Сирила, возьмите с собой оружие... скажем так, для небольшого приключения, и через пятнадцать минут я открою портал. Хватит пятнадцати минут?
- Конечно, мадам. Мы будем готовы.

Через четверть часа в открытый мною портал шагнули Джалед ас-Сирхани, седьмой сын султана Парса, великого и несравненного Мисрафа ас-Сирхани ад-Парси, и Сирил Уорнбек, единственный сын прачки из Борнемута, лучшие друзья на протяжении вот уже десяти лет обучения в галлийской магической Академии, факультет боевой магии. Я была деканом этого факультета уже много лет, и, даже оставив активное участие в оперативной деятельности более молодым, преподавание не прекратила. В конце концов, мне просто нравится общаться с молодежью!

Звонок коммуникатора. Ага, вот, и похитители прорезались. Тот же неприятный мужской голос сказал:

- Через двадцать минут возле оперного театра, и жди звонка.

Я повернулась к Сирилу и Джаледу:

– На мне медальон для прослушивания, вот вам парные к нему. Держитесь на расстоянии метров в пятьсот – шестьсот, вот тут, – по жесту моей руки в воздухе повисла подсвеченная карта Лютеции, – есть здание, закрытое на реставрацию. Оно слабо освещено. Правда, есть вариант, что они будут перезванивать и называть новые места. Ну, разберетесь сами! Портал откроете ко мне по кодовой фразе «Слишком большие деньги!».

– Профессор, как нам потом поступить с этими незаконнорожденными отродьями свиньи и шакала? – поинтересовался Джалед.

– Разумеется, связать и передать Тайной службе его Величества Луи. Я надеюсь, формулу связывающего заклинания вам не нужно напоминать?

– Нет, – улыбнулся Сирил. – Все ваши лекции мы помним лучше, чем собственные имена.

– Вот и отлично, – кивнула я. – Посмотрим, кто же там интересуется цветом Камней Коркоранна.

Глава 2

Возле оперного театра я остановилась в круге света от большого уличного фонаря и осмотрелась. Ночной порой на улицах Лютеции довольно спокойно, тем более в самом центре города – оперный театр всего в квартале от королевского дворца. И все же в два пополуночи ни одной живой души не было видно под кронами зацветающих лип, окна в окрестных зданиях были темными.

Тихо завибрировал мой коммуникатор. Экран, как и раньше, оставался темным.

– Стоишь, бабуля? – прозвучал все тот же развязный голос. – Ну, подхватывай кошелку и быстренько двигай в сторону старого рынка. Через пятнадцать минут у Зеленных ворот!

– Все слышали? – негромко поинтересовалась я.

– Да, профессор, – слаженно ответили моли помощники.

– Отлично. Я думаю, они за мной наблюдают откуда-то, поэтому пойду пешком. Вы останавливаетесь так же, метрах в пятистах от ворот. Сигнал тот же.

Дальше началось утомительное путешествие по улицам Лютеции. От старого рынка меня отправили к большой карусели, оттуда к улице Медников, потом на набережную Рене Доброго, и только там, наконец, приказали стоять возле причала для рыбацких лодок.

К пирсу подошел юркий катерок, лихо развернулся правым бортом, и выскочивший из будочки на причале мальчишка закрепил пойманный канат. Два парня в кожаных куртках перескочили на берег, огляделись и неспешной походкой направились ко мне.

– Принесла? – спросил один из них.

Я кивнула.

– Ну, так давай, не стой столбом, – второй протянул руку к моей сумке.

– Не спешите так, милейший, – я даже не пошевелилась. – Расскажите-ка мне, зачем вам так срочно понадобились мои семейные ценности? И где, кстати, госпожа Оллесун?

Юнцы были похожи друг на друга – светловолосые, голубоглазые, невысокие крепыши, да и выражение лица, и манеры говорили о том, что они росли вместе. Кузены, я полагаю. Один чуть пониже ростом, судя по голосу, он и говорил со мной по телефону; в паре он ведущий, но сейчас отвечает второй:

– Ты, бабка, с ума сошла? Давай монету, и иди отсюда. Подружку свою получишь утром... и радуйся, что не по частям.

– Погоди, Клещ, – остановил его напарник. – Бабуля не так проста, как нам пели.

– И что? Перо в бок есть перо в бок, будь ты простым или сложным, – не понял его второй.

– Нам обещали тысячу за камни, если мы принесем их до новолуния, – пояснил первый.

Я мысленно возмутилась: да за жалкую тысячу золотых приличный убийца ко мне на милую не подойдет! Видимо, неизвестные мне пока враги наняли каких-то совсем чужих гастро-леров, новеньких в столице, чтобы платить поменьше. Нет, ну что за неуважение! А парень продолжал объяснять напарнику, глядя на меня с прищуром:

– Только нам никто не сказал, что в дело замешаны маги, да еще и не последнего разбора. Мы на такое не подписывались. Так что давай-ка, приведи ту тетку из каюты.

– Но... – попытался возразить Клещ.

– Иди, я сказал! – прикрикнул на него напарник, а когда тот нехотя отправился к лодке, пояснил мне, – брат мой младший, двоюродный. Молодой еще, ни в чем не рубит.

– Я так и поняла, – кивнула я. – Кто вас нанимал?

– Э, нет, сударыня, на такое мы не тоже подписывались. Я с заказчиком сам разберусь, а сдавать его мне не положено.

Тем временем с лодки Клещ выгрузил мою Марджори, несколько помятую, но чрезвычайно злую. Скажу честно, когда моя дорогая секретарша в таком состоянии, даже я предпочитаю сделать вид, что очень занята делами где-нибудь на другом этаже.

Когда незадачливый похититель подошел к нам, я кивнула Марджори, чтобы она отошла от них подальше, и кинула в обоих заклинание связывания. Теперь оба могли только говорить и моргать, прочие движения им были недоступны.

– Ну вот, – грустно сказал старший, имени которого я пока не знала. – Приехали в столицу, называется.

– Леший, это что она с нами сделала? – потрясенно спросил Клещ.

– А уважаемая госпожа с нами теперь вообще что угодно может сделать. А нам ответ держать придется, как батя когда-то велел...

– Значит, Леший и Клещ, – я задумчиво постучала пальцами по губам. – Хорошо, поступим так. Джалед, Сирил, вы все слышали?

– Да, профессор, – поклонился Джалед, выходя из открывшегося портала.

– Ой, мама, – застонал Клещ, осознавший, наконец, ситуацию; Леший только вздохнул.

– Джалед, отведите госпожу Олесунн в мой дом, слово на вход *Falasse vinya pogëo*. Сирил, прихватите вот эту сумку, поставьте ее в мой кабинет. Сумку не открывать! – оба кивнули. – А я еще немного побеседую с этими милыми молодыми людьми.

Когда мои ученики, Марджори и сумка скрылись в очередном портале, я повернулась к незадачливым преступникам.

– Ну, и что же мне с вами делать?

– Отпустить? – с тайной надеждой спросил наивный Клещ.

– Это было бы неразумно, согласитесь. Нет, мы поступим иначе. Вы где остановились?

– В таверне «Старый гоблин», это на левом берегу, на улице де ла Арп.

– Хорошо. Я хочу знать, кто вас нанял. Нет-нет, не перебивайте! – я подняла руку, видя, что Клещ хочет что-то возразить. – Ваш заказчик вас подставил, не предупредив хотя бы приблизительно, кто я такая. Поэтому вы ему ничем не обязаны. Я бы не советовала вам его искать и пытаться самим с ним... эээ... разобраться. Ничем хорошим для вас это не закончится, поверьте. Поэтому сейчас вы пойдете на ваш катер, вернетесь в свою комнату и хорошенько подумаете. А завтра в половине пятого я загляну в эту таверну, вы мне и расскажете, что решили. Договорились?

Парни слаженно моргнули, и я открыла портал в свой кабинет, попутно сняв с них блокирующее заклинание.

Оказавшись в кабинете, я устало выдохнула, опустила плечи и достала из бара графин с *aqua vita*. Надо же, я, оказывается, нервничала!

Сумка со всем ее содержимым стояла возле стола, и я, опустившись в кресло, некоторое время ее разглядывала. Итак, на повестке дня стоит несколько вопросов. Первый: кому понадобились камни Коркоранна? И для чего? Понятно, что не для хорошего дела, но вот хотелось бы подробностей. Второй: почему неизвестный противник так странно подошел к делу? Бандиты какие-то совершенно несерьезные, чуть ли не только что из деревни, вчера телятам хвосты крутили. И их явно не предупредили, что я маг, причем боевик. Да о чем говорить – Марджори перестала быть моим секретарем два месяца назад; я могла бы и вовсе проигнорировать этот звонок! Третий вопрос – что является первоочередной целью: камни или ваша покорная слуга? Что ни говори, а годы полевой работы оставили за моими плечами не только немалый опыт, но еще и некоторое количество врагов.

Ну что же, вопросы вопросами, будем искать на них ответ; а сейчас надо устроить Марджори, отпустить моих студентов и убрать камни в сейф. Даже не так: сперва убрать камни.

Стук в дверь кабинета раздался ровно в ту минуту, когда я опустила на место край ковра. За дверью стоял Бакстон.

– Мадам, с вашего позволения, я разместил госпожу Олесунн в ее комнате.

– Хорошо, Бакстон. А там было убрано, постель и все такое?...

– Разумеется, – никто лучше моего дворецкого не может выразить неодобрение и обиду одним движением брови. Ну, конечно, там все в порядке. Я уверена, что и комнату поддерживали в прежнем виде из расчета, что Марджори одумается и вернется. Тем временем дворецкий продолжал, – Ваши студенты в гостиной, я подал им кофе и бутерброды. В ваше отсутствие с вами дважды пытались связаться по стационарному коммуникатору, экран оставался темным. Я проследил звонок, он поступил из Люнденвика. Абонент зашифрован.

– Спасибо, Бакстон. Я думаю, на сегодня приключения закончились, идите спать. Загадочными звонками займемся завтра.

– Да, мадам, благодарю вас, – и он растворился в темноте коридора.

Утро началось для меня со стука в дверь и сурового голоса Марджори:

– Лавиния, уже тридцать пять минут девятого, вас ждет завтрак!

Всемиловитые боги, как, оказывается, я хорошо жила эти два месяца! Просыпалась, когда хотела, курила трубку не только в своей гостиной, но и в кабинете, пила крепкие напитки, ложилась спать за полночь... И счастья своего не осознавала!

– Я уже встаю, – сварливо откликнулась я, а сама замоталась в одеяло покрепче и сунула голову под подушку в надежде доспать еще хоть минуточку.

Ясное дело, ничего не вышло. Мне пришлось вставать, умываться и отправляться завтракать в столовую. Из чувства протеста я не стала причесываться, хотя это не имело никакого смысла – волосы я стрижу очень коротко, так что вполне достаточно бывает провести по ним пальцами.

После завтрака мы с Марджори уселись в кабинете, и я начала задавать вопросы.

– Итак, где тебя взяли?

– Дома, – вздохнула она. – Я собиралась пойти на концерт этого модного певца, Аваниамеля. Билета у меня не было, но я слышала, что перед началом концерта их продают с рук возле входа.

– Тебе нравится этот... сироп? – удивилась я.

– Нет, но говорят, в живом звучании он очень хорош! Впрочем, это неважно. На концерт я все равно не попала. Я надевала шляпку, когда в дверь позвонили. Ну, никто придти не должен был, но я подумала... ну, может быть... мы вообще-то расстались, но вдруг...

– Боже мой, Марджори! – я обошла стол и обняла расплакавшуюся подругу.

Когда она слегка успокоилась, выяснилась масса ненужных подробностей. Конечно, тот самый «мужчина ее жизни», из-за которого моя секретарша со мной так разругалась два месяца назад, исчез в никуда, как только добрался до ее счетов. Из чистого упрямства она решила не возвращаться домой, то есть, в мой особняк, а жить одна в съемной квартире. Из этой квартиры ее и похитили – просто позвонили в дверь и бросили в лицо заклинание подчинения. Несколько лет назад один умник из Падованского университета разработал технологию упаковки этого плетения в компактный шарик, который привязывается к кодовой фразе и может быть использован кем угодно, хоть бы и вовсе не-магом. Умник этот был судим по общим законам Союза королевств, полностью лишен магии и пожизненно сослан лесником в Царство Русь, но к тому моменту разработка уже ушла из его рук.

А Марджори привезли в какой-то сарай, покрутили перед лицом большим ножиком и приказали звонить мне. Вообще она никогда не склонна была впадать в панику, и в данном случае рассудила, что уж с этой парочкой я точно справлюсь. Дальнейшие события известны.

– Скажи мне, только честно – с кем ты говорила о камнях? – спросила я, наклоняясь вперед. – Ведь обсуждала их с этим, как его?...

– Да, было такое, – моя секретарша опустила глаза и снова вздохнула. – Ну, не в подробностях, но как-то зашел разговор о том, что артефакты могут и не быть полезными, и я привела пример...

– Н-да... – Я постучала пальцами по подлокотнику кожаного кресла. – Действительно, пользы в них пока никто не нашел. И через какое время после этого разговора твой приятель исчез?

– Через два дня, – Марджори подняла глаза и почти прокричала, – Я понимаю, что была полной дурой, Лавиния! И не удивлюсь, если ты не простишь меня... Но я же точно знаю, что Карл не был магом. Ему в принципе без надобности любые артефакты!

– Карл, говоришь... – вздыхать и я умею.

Я присела на краешек письменного стола, достала из ящика досье и прочла вслух: «Чарльз Робертсон, он же Каролус Родерик, год рождения – две тысячи сто тридцать восьмой от Открытия Дорог. Родился в семье таможенного чиновника в Ливерпуле, Бритвальд. Обучался в духовных учебных заведениях, однако экзаменов не сдал и рукоположен не был. В 2166 году от Открытия Дорог был судим по статьям «вымогательство, двоеженство, мелкая кража»».

Моя секретарша сидела, закрыв лицо руками, только уши пылали.

– Не горюй, – сказала я, захлопнув папку. – Ты точно не первая женщина, обманутая его голубыми глазами.

Марджори отвела руки от лица – оказывается, она сдерживала не слезы, а смех.

– Потрясающе! Оказывается, он младше меня почти на шестьдесят лет! И мелкая кража! Всесильные боги, какое счастье, что он сбежал! Но зато уж теперь моей внучке будет, о чем поговорить с подругами...

Мы вдвоем облегченно расхохотались.

– И все же, – продолжила я, отсмеявшись, – кому он мог передать информацию? Какие-то его контакты ты отметила?

– Я попробую написать, – уже серьезно ответила Марджори. – Сегодня к вечеру, годится? И, Лавиния...

– А?

– Моя комната убрана, в ней ничего не меняли. Даже цветы свежие стояли. Мои фиалки поливали. Мои любимые булочки были к завтраку. Меня... ждали?

Глава 3

Марджори ушла в свою комнату, приводить в порядок растрепанные чувства, а я села за письменный стол и со вздохом достала лист бумаги и чернильную ручку.

Многие мои коллеги по магическому Совету демонстративно презирают достижения техники: мол, и магические вестники намного эффективнее электронной почты, и поиск при помощи заклинания Марстона-Грайля куда быстрее, и вообще, не к лицу им, таким возвышенным, разбираться в гайках и проводах. На такие рассуждения я могу ответить только пожатием плеч и цитатой из письма одного древнего мага другому: если мне скажут, что нужна мне информация написана на левом крыле дракона, я уговорю дракона распахнуть крылья. Нет-нет, я не стану отказываться ни от коммуникаторов, ни от компьютеров и всемирной Сети, ни от возможности отправиться куда-то дирижаблем, если по той или иной причине мне неудобно открытие портала.

Но сейчас мне нужно было предупредить коллег-магов о том, что некто интересуется камнями Коркорана, и значит, на горизонте нарисовался очередной темный маг, желающий, как минимум, мирового господства. А в Совет магов, к сожалению, положено писать по старинке, чернилами по бумаге. Этикет и правила поведения, чтоб их...

Пока что у меня не было никакой информации о тех, кто желал получить камни. Да, говоря откровенно, и об исполнителях я почти ничего не знала. Что же, через пару часов я встречу с незадачливыми грабителями и узнаю, кто же их так подвел с заказом.

Я отправила с магическим вестником письмо в Совет, поинтересовалась у Бакстона, не было ли новых неопознанных звонков из Люнденвика или откуда бы то ни было (звонков не поступало), и стала потихоньку собираться на встречу.

Таверне «Старый гоблин», что на улице Кота-Рыболова, на левом берегу прекрасной реки Сены, уже лет пятьсот, наверное. И все пятьсот лет ее хозяйку зовут Мари Шарро. На вид это простая, не сильно образованная женщина лет сорока – сорока пяти, с густыми каштановыми волосами и светло-голубыми глазами. Она неразговорчива, на собеседника обычно не смотрит, но уж если взглянет – тут самый пропитой пьяница поежится от ледяного холода этих блеклых глаз, поспешит оплатить свою выпивку, да и уберется подальше. В «Старом гоблине» находят приют и недорогой ужин речники, небогатые торговцы, что приводят свои лодки к причалу по соседству, студенты, ждущие зачисления в Университет Лютеции и Коллеж Сорбонна...

Я вошла в таверну, как и планировала, в начале пятого, села за угловой столик и кивнула подошедшей ко мне хозяйке:

– Добрый день, мадам Шарро! Жаркий сегодня день, а у вас, как всегда, такая прохлада!

– Добрый день, госпожа Редфилд! Принести вам морс, или попробуете домашнее вино? Вот только что открыли бочонок!

– Пожалуй, давайте вашего белого вина, и похолоднее, мадам Шарро! – ну вот, ритуал исполнен, теперь можно и вопросы задавать. – Скажите, Мари, у вас остановились два молодых человека? Светлые волосы, голубые глаза, похожи, как два фальшивых луидора. Пришли на катере синего цвета с белой полосой, «Крошка Пимп» называется.

– Да, мадам, – хозяйка кивнула, не поднимая взгляд. – Сидят в своей комнате со вчерашнего вечера, даже еду туда попросили. Прикажете позвать?

– Позовите, Мари. Только скажите мне сперва, как они вам?

Она подняла брови и сложила пальцы левой руки особым образом, жест этот на языке контрабандистов означал «гнилой товар». Да, я согласна с мадам Шарро, публика не самого

высокого разбора. Ну, что делать, информация правит миром. В данном случае – информация об их нанимателе.

Клещ и Леший появились возле моего стола через минуту. Я разглядывала их, отпивая по глоточку легкое белое вино. Да, ненадежная публика, пусть выкладывают, что знают и вымечтаются из столицы.

– Садитесь, молодые люди, – я кивнула им на табуреты. – Мари, принесите им холодной воды и посмотрите, чтобы нас не беспокоили. Итак, я вас слушаю: кто вас нанял, сколько вам заплатили и что заказали.

– Так нам и рассказать особо нечего, – бойко начал Леший. – Мы сюда, в Лютецию, пришли неделю назад, рыбу привезли из Онфлера, ну и так, кальвадоса слегка, бочонок-другой одному знакомому.

Я приподняла брови. Подниматься по Сене от Онфлера до Лютеции с грузом в пару сотен килограммов рыбы? Да доходом с ее продажи не окупится и приобретение заклинания для двигателя катера! И потом, за те три-четыре дня, которые были потрачены на это плавание, рыба станет уж совсем несъедобной! А охлаждение или стазис, чтобы сохранить свежесть продукта, впридачу к двигателю, сделают рыбку просто золотой.

– Отлично! – сказала я, – А теперь, для разнообразия, хотелось бы услышать правду. Пока что к категории правды можно отнести только то, что вы пришли сюда неделю назад. Нет-нет, я не хочу знать, зачем. Ваш мелкий гешефт меня не интересует. Рассказывайте, как вас наняли.

Как я и предполагала, история оказалась простой. Леший и Клещ сделали все, что должны были, и выпивали в кабачке рядом с Центральным рынком, отмечая окончание сделки. На третьей бутылке красного к ним подсел незнакомец. Поговорил о рыбной ловле, поставил еще пару бутылок, рассказал анекдот, а когда захмелевшие парни собрались отчаливать, предложил им задержаться на день-другой для небольшой подработки. И делать-то особо ничего не понадобится, просто увезти из дому одну старуху и пригрозить другой, дабы та отдала шкапулку с фамильными камушками. Их новый друг – звали его, разумеется, Жаном – клялся, что шкапулку он должен был получить по завещанию бабушки, а эта старая сука, дедова вторая жена, все заграбастала. Клеща с Лешим семейная история Жана заинтересовала мало, а вот сумма, предложенная за «плевое дельце», была весьма привлекательна. Предложили им сто золотых луидоров на двоих, и даже выплатили аванс в двадцать луи.

– Покажи монеты! – потребовала я.

Леший замаялся.

– Я не сказала: отдай. Я сказала – покажи!

Он со вздохом полез куда-то в недра своей куртки и достал кожаный мешочек. Ну, конечно, эта публика – рыбаки, крестьяне, фермеры, мелкие торговцы – не доверяют бумажкам или карточкам. Им подавай настоящее золото, чтобы его попробовать на зуб.

К сожалению, монеты были совершенно новенькими, и никакого магического следа на себе не несли. Я вернула кошель своим жуликам и сказала:

– Рисовать вы, конечно, не умеете?

Клещ вытаращил глаза, а Леший помотал головой.

– Тогда посиди тихо, я посмотрю в твоей памяти, как выглядел этот самый Жан.

Леший сидел тихо, как мышь под метлой, только безостановочно шевелил губами. Ну что же, может быть, и молиться научится, с перепугу-то. Я приложила ладонь к его лбу, прикрыла глаза и считала память последних дней. Так, а вот это интересно. Пресловутый «Жан» был мне неплохо знаком, и звали его, разумеется, совершенно иначе. Это был Анри Вермель, которого я лично выгнала после третьей сессии в Академии Магии за низкий уровень успеваемости вкупе со столь же низким моральным уровнем. Темный тебя побери, ты можешь не сдать зачет, и

даже попробовать пронести на экзамен шпаргалку, но украсть у соученика готовую курсовую работу и попытаться выдать ее за свою – это уже переходит всякие границы.

– И где вы должны были отдать ему добытое? – я отняла ладонь ото лба Лешего, но он продолжал сидеть с закрытыми глазами и бормотать, поэтому вопрос я адресовала Клешу.

– В той же таверне, «Лисий хвост», где он нас... с нами... в общем, где мы познакомились. Договорились, что, как только получим эту шкатулку, должны будем туда вечером прийти, после семи часов. А если его не будет, оставить у хозяина для него значок, вот этот.

Он выложил из кармана большую деревянную пуговицу, выкрашенную в синий цвет.

– Боже, как романтично! – хмыкнула я. – Ладно, поступим так... Леший, отомри уже, все кончилось! Вы сейчас оставляете мне адрес, где вас можно будет найти в вашем Онфлере, садитесь в свой катер и отправляетесь домой. Понадобится – найду. Значок я у вас забираю, а чтобы было не так горько с ним расставаться, вот еще десять луидоров к незаработанным двадцати.

На этом месте Леший шумно выдохнул и открыл глаза.

– Значит, вы нас легавым не будете сдавать?

– Не вижу никакого смысла. Лучше вас там не сделают. Отправляйтесь домой, и в следующий раз, прежде чем подписаться на что-то несправедное, вспомните меня.

Отправив незадачливую парочку собирать вещи, я убрала в поясную сумку синюю пуговицу, расплатилась с мадам Шарро за вино, воду и тишину, и отправилась домой. Мне хотелось прогуляться по набережной Сены и подумать.

Итак, Анри Вермель. Помнится, на одной из лекций, посвященной артефакторике, я упоминала и камни Коркорана в качестве примера природного артефакта. Я не говорила студентам, что хранятся они у меня дома, в особняке в Лютеции, но узнать это было несложно для того, кто живет внутри магического сообщества. Вермель был выгнан из Академии, но магических способностей его не лишали. Он мог поступить в другое учебное заведение, рангом пониже, или наняться помощником к лицензированному магу или травнику. Все-таки за три семестра кое-какие знания он получил. Способности его были невелики, но для бытовой магии вполне достаточны.

Да, я была деканом факультета боевой магии, но экзамены по ряду дисциплин принимала у всех специальностей. Защитные заклинания, например. Магические потоки. Еще кое-что...

Понятно даже и ежу, что лично Вермелю камни совершенно без надобности. Значит, надо узнавать, кто же стоит за ним. Что же, сегодня я не пойду в «Лисий хвост», а вот завтра надо будет туда наведаться.

Сегодняшний вечер придется отдать тренировкам.

Ушла в отставку и решила, что можешь расслабиться, дорогая Лавиния? Сидеть у камина и пить напитки покрепче? Собралась уехать на все лето в Провенс и жить вдали от цивилизации? Вот и получила. Занервничала, какой позор, из-за двух мелких жуликов, решивших подработать грабежом!

Все эти слова я говорила себе, выполняя растяжки перед силовой гимнастикой. Могла и еще много чего сказать, но от упражнений отвлекаться не рекомендуется, полагалось бы и вовсе войти в медитацию. Но это завтра, сегодня просто легкая... ладно, тяжелая разминка. Шутка ли, три месяца перерыва.

Наверное, надо пояснить, что три месяца назад, в середине февраля, я оставила оперативную работу в Службе магической безопасности Союза королевств, которой отдала больше двух сотен лет. И, хотя последние годы я не гонялась за злоумышленниками со шпагой наголо, а работала аналитиком, ежедневные тренировки все равно оставались обязательной частью

моей жизни. Потом я решила уступить место молодым, оставила за собой необременительную должность консультанта аналитического отдела Службы и... да, именно расслабилась.

Преподавание в Академии много времени и сил не отнимало, за годы работы я научилась предугадывать вопросы, которые мне задавали мои студенты, предвидеть те действия, которые они считали сногшибательными пакостями, и нивелировать ситуацию по необходимости.

А вот теперь расплачиваюсь за три месяца почти безделья: приходится восстанавливать навыки, заново приучать мышцы к работе.

Ничего, твердила я сама себе, переходя к беговой дорожке, ничего, втянешься...

Глава 4

В «Лисьем хвосте» я была незадолго до семи. Заняла столик, набросила легкое заклинание отвода глаз, такое, чтобы ни у кого просто не возникало желания поглядеть в темный левый угол, заказала бокал легкого белого вина и приготовилась ждать. Я хорошо помнила, что приходит вовремя Вермель не умеет в принципе.

Ну что же, за шесть лет, прошедших с его отчисления, привычки моего бывшего студента не изменились. Дверь таверны в очередной раз открылась в половине восьмого, когда я уже решила было не ждать больше. Вермель слегка похудел и несколько обтрепался с того времени, когда я читала ему лекции, отрастил дурацкие редкие усы, но в целом изменился мало. Я посмотрела, как он задает вопрос официантке, оглядывается и поворачивается к двери, бросила на стол серебряную монету и вышла. Через минуту на пороге показался и он, нахлобучил шляпу. Вот тут-то я мягкой воздушной петлей взяла его за шиворот и подтащила к себе.

– Анри, мальчик мой! Какая встреча! Нет-нет, не говори ничего пока, – проговорила я, быстренько запечатывая ему рот заклинанием. – Пойдем вот сюда, на бережок, посидим на скамеечке и поговорим.

На набережной в этот час не было ни души: дети, игравшие здесь весь день, уже разбежались ужинать, влюбленные еще только готовились к встрече, редкие рыболовы предпочитали места с менее быстрым течением. Скамейки были пусты, на одну из них и приземлился Анри Вермель. Я села рядом и слегка ослабила запечатывание рта.

– Ааааа... Госпожа Редфилд! Вы! Что вы тут... зачем... я не понимаю!

– Отлично понимаешь, Анри. Вот это твоя замечательная пуговица?

Молодой человек молчал, но понятно было, что выкрашенная в синий цвет деревяшка ему знакома, так он стрельнул глазами.

– Твоя, вижу сразу. Очень хорошо. Тогда давай-ка, быстренько рассказывай, кому пришло в голову добыть камни Коркорана?

– Не знаю, – он опустил голову, так, что глаз было не видно. – Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Ты нанял двух рыбаков, чтобы они украли эти камни из моего дома.

– Нет, я не нанимал.

– Анри, посмотри на меня, – все той же воздушной лентой я подняла его подбородок. – Я не спрашиваю, нанимал ли ты их. Я это знаю. Меня интересует, кто нанял тебя.

Я посмотрела парню прямо в глаза. Он вздрогнул, весь как-то сжался и начал сыпать словами и обрывающимися фразами, частая, повторяясь и кивая безостановочно головой.

– Я у дядюшки... у меня дядя есть, я после Академии год еще проучился на курсах бытовиков... а потом к нему работать... в контору и на склады...

Ага, понятно. Годичные курсы бытовой магии, Я так и думала. Это как раз то, что тебе подходит. Бумаги сортировать в конторе, или на складе заклинание от мышей и крыс обновлять.

– А дядя у нас кто? – спросила я ласково.

– Ггггггонтар Дюнуа...

Совсем интересно. В Галлии даже дворовые собаки знают: если речь идет об очень больших деньгах – значит, первым вспомнят Гонтара Дюнуа. Если заговорят о предметах роскоши, дальних торговых плаваниях – снова на ум придет Гонтар Дюнуа. Но ведь при обсуждении интриг и тайных заговоров того же Гонтара Дюнуа опять назовут первым! Ай да дядюшка!

– Дружочек, и ты хочешь сказать, что твой достопочтенный дядюшка поручил тебе стащить у меня камни Коркорана?

Тут Вермель уже даже не побелел, а позеленел.

– Нет-нет-нет, что вы, госпожа Редфилд! Дядя тут ни при чем! То есть, при чем, но он не знает, что я при чем...

В общем, опустив повторы, заикания и меканья, которыми изобилдовал рассказ Анри Вермеля, можно описать историю так.

После отчисления из Академии Анри очень не хотелось возвращаться к родителям в тихий провинциальный Олон-сюр-Луар. И он, набравшись храбрости, толкнулся в дверь к родному дяде, брату его матери. Неизвестно, то ли у дяди было хорошее настроение, то ли ему действительно нужен был маг-бытовик, а тут все-таки близкий родственник. Но Вермеля поселили в доме дяди (хотя и в мансарде), не отказали в тарелке супа и небольшом вспомоществовании, и отправили на годичные курсы бытовых магов для систематизации усвоенного ранее.

Четыре с лишним года после окончания курсов Анри отработал на дядюшку, его, в общем, хвалили, дело свое он знал. Но увы, гонять на складах мышей и накладывать заклинание сохранности на рулоны шелка и кашемира ему было невероятно скучно. И юный Вермель стал потихоньку подслушивать и подсматривать, заглядывать в дядюшкин письменный стол и, если удавалось, в записную книжку. Удавалось нередко, потому как Гонтар Дюнуа считал, что племянника может не опасаться. Для удобства подслушивания Вермель даже проделал небольшое отверстие в стене между дядюшкиным кабинетом и соседней гостиной. Дыру очень удачно прикрывал со стороны кабинета большой ковер, а со стороны гостиной – картина.

И вот недели полторы назад, когда к Дюнуа пришел солидный гость, Анри привычно запер изнутри дверь гостиной, снял со стены картину и устроился возле своего слухового отверстия с блокнотиком и карандашом.

Сперва разговор шел тихий, сквозь ковер почти ничего и не было слышно. Но мало-помалу голоса стали звучать громче и даже как-то резче. Пару раз и по столу кулаком было грохнуто. Анри заинтересовался и стал слушать внимательно.

– Гонтар, я же говорю вам, что ваши вложения отобьются втрое и вчетверо! Не говоря уже о благодарности царствующей особы!

– Ах, ваше сиятельство, вашими бы устами да мед пить... Только вот куда травка подрастет, лошадка с голоду помрет, – дядюшкин голос звучал так сладко, что разом заныли все зубы. В такой сладости непременно прячут что-нибудь ядовитое, подумал Анри, и продолжал слушать с удвоенным вниманием.

– Да бросьте, Гонтар, эту вашу манеру сыпать псевдонародными поговорочками! Мне-то хорошо известно, что Колледж Сорбонны вы окончили с отличием. Я повторяю вам, что дело беспроектное! – высокородный собеседник Гонтара явно сердился.

– Я пока не вижу никаких гарантий, – теперь Гонтар говорит сухо и по-деловому. – Что до «благодарности царственной особы», так эту особу надо, во-первых, на трон посадить, во-вторых, помочь там удержаться. А, в третьих, пока этот младенец хоть в какое соображение войдет, чтобы благодарность проявить, так я и с этим миром успею распрощаться!

– При младенце-короле непременно бывает регент. И сумма благодарности будет зависеть исключительно от доброй воли этого регента. А мы с вами знаем, кто возьмет на себя сии тяжкие обязанности... – невидимый обладатель сочного баритона ухмыльнулся.

– И точно так же мы с вами знаем, кто первый пойдет на плаху, если ваши планы сорвутся!

– Тишшше! – прошипел баритон, он же граф. – Нас точно не могут подслушать?

– Точно, – успокоил его Дюнуа. – Племянник у меня бытовой маг, он мне заклинание от подслушивания на кабинет поставил, и обновляет каждую неделю. Я проверял, ничего отсюда не слышно, ни звука не проходит.

– Ну, хорошо, предположим, – сказал его собеседник успокоено. – Так вот, я повторяю. От вас мы ждем только одной вещи: вы должны перекупить, выпросить на время, я не знаю... хоть украсть один из магических артефактов Древних. Артефакт называется камни Коркорана,

и он дает возможность выдать любого младенца за сына короля, при любой магической или научной проверке крови.

На этом месте я, совершенно забывшись, прервала рассказ Анри задумчивым присвистыванием. Как интересно! Неужели у древних камушков есть такое свойство? Никогда даже не слышала об этом... А странно, уж кто-кто, а я должна была бы знать. Ну ладно, об этой странности я подумаю потом.

– Так и чем же закончились переговоры, Анри? – спросила я.

– Увы, я не знаю, – вздохнул он. – Я не рискнул слушать дальше, меня могли искать. Поэтому повесил на место картину и ушел из гостиной.

– Но дядюшка поручил тебе нанять бандитов и выкрасть камни, разве нет?

– Нет, – он с досадой покачал головой. – Я решил, что, если мне удастся этот артефакт добыть, я и сам сумею его пристроить за хорошие деньги.

– Ах, Анри... – Я поднялась со скамейки и положила рядом с молодым человеком кошелек с несколькими серебряными монетами и моей визитной карточкой. – Ты ведь уже один раз пострадал на том, что воровал у своих. И снова наступаешь на те же грабли? Смотри, в третий раз может и не повезти так сильно! Или твоей голове неудобно на плечах?

Судя по тому, как сильно побледнел Вермель, и без того не слишком румяный, остаться без головы ему не хотелось.

– Значит, так, – продолжила я. – Я ухожу, заклинание связывания развеется через пять минут. В кошельке – моя визитка и немного денег, чтобы тебе не пришлось в голову заработать, продав информацию обо мне кому бы то ни было. Если ты услышишь еще что-то интересное, и не обязательно в доме Гонтара Дюнуа, пошлешь мне сообщение на коммуникатор. Если понял, кивни.

Вермель закивал, и я открыла портал домой, уже не особо скрываясь.

Глава 5

Камин сегодня не разжигали, даже вечером было тепло, и мы с Марджори ужинали не в столовой, а на веранде с видом на реку и спускающийся к ней сад. Вечернее июньское солнце стояло еще довольно высоко, и позолоченная его лучами Сена несла свои воды среди серого камня набережных. В саду уже распускались любимые мои чайные розы, зацветали липы рядом с домом, какие-то мелкие птицы, отчаянно вереща, устраивались на ночлег в кронах деревьев. Жить бы да радоваться, пить чай вечерами, правнуков из Бритвальда на каникулы выгастить... Так нет, неймется кому-то, заговор устраивают. Где находят идиотов, желающих взвалить на свои плечи ответственность за страну? Кому хочется думать не о себе и своих родных и близких, а о возможном разливе реки, которая затопит коровники или о том, что нужно категорически запретить дуэли, ставшие модными среди светской молодежи? Или этот неизвестный мне пока граф, так сильно желающий стать регентом, считает, что достаточно усесться в желанное кресло, а уж радости жизни немедленно посыплются градом?

Я не могу сказать, что мне сильно симпатичен Луи Одиннадцатый, нынешний король Галлии; но в этой стране я живу уже давно, и законы ее соблюдаю. И значит, буду делать все, что можно, чтобы помешать нарушению этих законов.

Итак, два основных вопроса. Нет, три.

Первый – кому я могу доверять?

Нет, понятно, что я могу, как себе самой, доверять своим детям и той же Марджори. Могу полностью – или почти полностью – положиться на Джаледа ас-Сирхани и Сирила Уорбека, на своего дворецкого, в конце концов.

Но мне нужен совет, и совет серьезного мага, равного мне по уровню.

Придворный маг короля Луи отпадает, мы не так хорошо знакомы. Ректор Академии? Нынешний глава Службы? Эльфов бы спросить, но они не вмешиваются в людские дела...

Вопрос второй – камни Коркорана. Не понимаю, почему они лежали в шкатулке несколько сотен лет, и никто ничего не знал о каких-то их необыкновенных свойствах. Кто мог их изучить, если они были у меня в доме? Как?

И третий вопрос, самый, может быть, простой. Неизвестный мне граф, желающий стать регентом, и Гонтар Дюнуа. Согласился ли Гонтар на участие в перевороте? В захвате власти? Если граф N пришел именно к Гонтару, значит, что-то о нем знал, что-то такое, чем смог его шантажировать? В противном случае, такой опытный в интригах, умный и осторожный человек близко бы не подошел к заговору с целью свержения короля.

Странная, очень странная история. Ну, ничего, я в ней покопаюсь. В конце концов, уже очень давно странные истории – это моя специальность.

Н-да. Некоторые считают, что в моем возрасте полагается демонстрировать добродушие.

Боги, я ведь чуть не забыла об очень важном. Дети.

Если одному мерзавцу пришло в голову надавить на меня, используя близкого мне человека, то это может придти в голову и другому.

Детей у меня четверо, шестеро внуков и – пока – всего восемь правнуков и праправнуков.

Большая часть моей семьи – сыновья Джеймс и Артур, дочь Джессика и их дети и внуки – живут рядом с Тамаки-Макау-Рау, фактической столицей Нью-Зееланда. Там нам принадлежит огромная ферма с бесчисленными стадами овец, виноградниками, производством ячменной аква виты и рудником черных опалов. К сожалению, немногие из моих потомков унасле-

довали магические способности. Джессика неплохой погодный маг, ее дочь Алиса пошла в маму, а моя праправнучка Дани уже сейчас отлично разбирается в производстве аква виты. Мальчики в этом смысле совершенно безнадежны. Ладно, думаю, что до Ново-Зееланда наши заговорщики не доберутся, поэтому ту часть моего семейства можно не беспокоить. А вот семью старшего сына, Кристофера, живущую в Бритвальде, предупредить надо. Пусть приведут в действие все охранные системы нашего старого особняка в Люнденвике, да и в загородном доме, пожалуй, тоже. Через пролив перебраться легко.

Я отправила магический вестник Кристоферу и, после некоторого размышления, попросила Марджори соединить меня с Жаком Бельфором, главой Службы магической безопасности Союза королевств.

Жак нашелся не сразу и был зол. Судя по всему, Марджори оторвала его от ужина.

– Лавиния, добрый вечер! Что-то случилось?

– Добрый вечер, Жак! Мне нужно с тобой встретиться, обсудить один момент. Один важный момент, относящийся к вопросам безопасности. И хорошо бы поскорее.

– Сейчас я... – он скосил глаза вправо, – я немного занят. Через час, не поздно будет?

– Нет, нормально. Открешь мне портал, чтобы не беспокоить твою охранную сигнализацию?

– Да, конечно. За три четверти часа до полуночи, жду.

Дама там у него была, что ли? Неужели я поломала Бельфору сегодняшнюю личную жизнь? Ну, ничего, я не очень надолго, дама подождет. Мои новости важнее любой молодой аспирантки или цветочницы с бульвара.

Ровно в 23.15 Жак открыл портал со своей стороны.

Все мы, сотрудники Службы, немного маньяки и в большой степени параноики. У каждого дом защищен таким количеством механических замков и запоров, подкрепленных заклинаниями и охранными сетями, что защита королевской сокровищницы едва ли может с этим соперничать. И, разумеется, стоит абсолютный запрет на любые порталы, открытые кем угодно, кроме хозяина дома.

Портал захлопнулся за моей спиной, и я протянула Жаку руку для пожатия.

– В кабинет? – спросил он, пропуская меня вперед.

– Пожалуй, – согласилась я. – Сигналку давно обновляли?

– Вчера только. Бокал вина?

– Сперва поговорим. И если ты скажешь, что я зря волнуюсь, я напьюсь в хлам.

Мой рассказ не занял много времени. Выслушав, Жак подошел к камину, задумчиво пошевелил носком сапога полено и спросил, не поворачиваясь:

– Камни в надежном месте?

– Да. Но если они будут угрожать жизнью кого-то из близких, то я...

– Понимаю. Значит, мы должны успеть раньше, – Бельфор отошел от камина и сел в кресло напротив меня. – Дюнуа займешься сама?

– Нет, мне кажется, с ним надо начать с официальных действий. Посмотрим, что он ответит на допросе. А я поищу ответ на второй важный вопрос. Кто и как мог узнать о каких-то свойствах камней, помимо известных моей семье?

– Хорошо, решили. На допросе Гонтара Дюнуа хочешь поприсутствовать?

Я задумалась. В принципе, следователям службы я могу доверять вполне, они не упустят ничего из сказанного и несказанного. Но в ментальной магии, пожалуй, сильнее меня никого нет, не зря меня учили оркские шаманы.

– Да, пожалуй. Но только вне поля зрения для начала, а там посмотрим.

– Вызовем его на завтрашний вечер, часов на десять, – предложил Жак. – Пусть денек поварится в собственном соку. Лучше, конечно, было бы дать ему дня два поволноваться, но неизвестно, когда они решат действовать. Тринадцатый кабинет?

Мы оба улыбнулись. Упомянутый кабинет был нежно любим сотрудниками Службы: тесный, больше похожий на коридор, чем на полноценную комнату, он упирался окном в серую стену соседнего здания. Окно было забрано решеткой из толстых прутьев, какие рисуют в чувствительных дамских романах, чтобы показать место страданий главного героя. Стул, на который предлагалось сесть допрашиваемому, разрабатывали лучшие специалисты королевского института Дизайна, чтобы сделать его особо неудобным. Лично у меня на этом стуле уже через десять минут начинало болеть все, включая зубы. На стене тринадцатого кабинета висел портрет его величества Луи, смотревший на «гостя» в упор, мрачно и с отвращением. Словом, замечательное место!

Вот как раз за портретом, в соседней комнате – к слову, большой и светлой – я и буду завтра наблюдать за допросом.

Глава 6

Как я уже говорила, камни Коркорана хранились всегда в нашем доме, когда-то в лондонском особняке, а с тех пор, когда я перебралась в Лютецию – здесь. Исключением были три довольно коротких периода, когда камни покидали фамильные стены.

Первый – семьсот пятьдесят лет назад, когда умер Томас Коркоран, через сто с лишним лет после возвращения из мест, откуда никто и никогда не возвращался живым. Его сын Джосайя был весьма сильным магом, но еще больше он был теоретиком магии. И вместе со своими коллегами с кафедры теории магических полей он попытался изучить свойства загадочного артефакта. После нескольких месяцев работы ими был сделан вывод об абсолютной магической инертности камней, и Джосайя вернул их в домашний сейф, вместе со сделанной еще Томасом шкатулкой.

Кстати, Джосайя Коркоран умер вскоре после этого, и умер как-то странно. Вполне себе молодой для мага человек, ему и ста пятидесяти лет еще не было, он однажды утром просто не проснулся, сколько ни тормошила его жена. Где-то за две недели до смерти он проходил ежегодный медосмотр, и был признан абсолютно здоровым, небольшую дальновзоркость можно не считать, он и не исправлял-то ее из легкого кокетства: ему очень шли очки. Последней записью в его рабочем журнале было: «Кажется, я понял, чем их можно раскачать». К чему это относилось, указано не было, но теперь мне кажется, что имелось в виду – «раскачать» пресловутую магическую инертность.

Столь же крупным теоретиком был и мой дед, Мэтью Коркоран, внук Джосайи. И второй раз камни покинули стены фамильного особняка вместе с ним.

Мэтью считал, что новые приборы и новые заклинания, разработанные им и его коллегами, помогут понять, что является собою артефакт. Так же, как и Джосайя, он не добился успеха.

И точно так же, как его дед, умер внезапно, в расцвете лет, в своей постели.

Вместе со мной камни переехали из Люнденвика в Лютецию. И, если задуматься, я жива до сих пор только лишь потому, что не пыталась сама их исследовать?

Таким образом, получается, что кто-то из магов, принимавших участие в изучении камней вместе с Джосайей или же вместе с Мэтью, открыл некие свойства артефакта и утаил их. Что ж, в научном мире бывает всякое, и до драк с выдиранием бород доходило, а уж скрыть результаты экспериментов, так это вообще неудивительно. Пожалуй, день начну с архивов магического Совета. Нужно для начала установить, кто принимал участие в исследованиях в первый и во второй раз.

Я размышляла обо всех этих околонучных вопросах утром с чашкой кофе.

Бакстон подал нам с Марджори отлично поджаренный бекон, тосты из темного хлеба, свежее масло, апельсиновый джем... Странное дело, столько лет я живу в Галлии, а завтракаю так же, как когда-то дома, в нашем загородном доме в Хартфордшире. Это еще сегодня мы обе от овсянки отказались!

Марджори откашлялась, отвлекая меня от размышлений.

– Планы на сегодня какие-то есть, Лавиния?

– Планы? Мммм... я планировала провести день в архиве, но вот сейчас подумала – отправлю-ка я в архив тебя.

– В Королевский? Или в центральную библиотеку?

– Оба раза промахнулась. В архив Совета. И мне нужна вся информация о том, кто изучал камни и копии отчетов, – я протянула Марджори кольцо-артефакт, заряженное заклинанием копирования.

– Ясно. Не очень представляю себе, займет это два часа или два дня, но все найду, – кивнула Марджори. – Мой пропуск в архивы ты... эээ... не аннулировала?

– Да с какой же стати? Иди уже, не трать зря времени на лишние вопросы!

Отправив секретаршу в архивы, я занялась современностью.

Если наши заговорщики планировали посадить на трон младенца королевской крови, чтобы при нем взять власть в свои руки, хорошо бы понять, откуда этот младенец должен был взяться. У его величества Луи трое почти взрослых детей – мальчики семнадцати, пятнадцати и десяти лет от роду. Поскольку королева Шарлотта-Луиза умерла три года назад, а о новой женитьбе Луи не витало даже легчайших слухов, законному наследнику прямой ветви появиться неоткуда.

У Луи есть младшая сестра, Елена, королева шведская, супруга короля Харальда пятого. В той семье дети тоже, так сказать, подрошенные. Елену я видела недели две назад, и никакой беременности в ее ауре не было. Есть еще семейство герцога Монтгомери, кузена Луи. Вот их бы надо проверить...

С другой стороны, ребенок может стать королем только в одном случае – если не станет не только Луи и его детей, а также детей Елены, но и старших в семье Монтгомери. Пожалуй, такой мор на членов одной семьи, мягко говоря, должен бы вызвать недоумение у прочих государств Союза королевств.

Значит, что у нас остается? Бастард?

Тут я остановилась – оказывается, я уже довольно давно шла по набережной, пиная носками сапог попадающиеся камушки – и стукнула себя по лбу. Да что ж голова-то так плохо работает? Им камни Коркорана нужны были для чего? Чтобы ВЫДАТЬ младенца за королевского наследника. Чужого, совершенно постороннего ребенка. Ну, может быть, внешне и похожего на Луи, что несложно: темные волосы и голубые глаза имеет примерно сорок процентов населения Галлии.

Можно предположить, что воздействие камней как-то меняет ауру крови, это теоретики наши разберутся. Я не теоретик, я охотничья собака, мое дело – встать на след.

Ничего не поделаешь, надо ждать вечера и допроса Дюнуа.

Неожиданно для себя я свернула с набережной в старинную узкую улочку du Chat-qui-Rêche (Кота-Рыболова) и через боковой вход вошла в собор Святого Северина. Мне всегда было удивительно спокойно под его высокими сводами, и голова становилась легкой, а мысли ясными. Я села на скамью и бездумно смотрела на лучи полуденного июньского солнца, проходящие сквозь стекла витражей и загорающиеся разными цветами.

За моей спиной деликатно покашляли. Я повернулась – там стоял немолодой священнослужитель в серой рясе.

– Здравствуйте, отец! – я поднялась со скамьи.

– Здравствуйте...

– Меня зовут Лавиния Редфилд, – поспешила я представиться.

– Лавиния, вы чего-то ищете в этом храме?

– Наверное... наверное, я пришла сюда, чтобы разобраться в своих мыслях. В последние дни мне приходилось действовать, почти не задумываясь. А здесь я могу остановиться...

– Что же, и это не худшая причина для того, чтобы зайти в храм, – он кивнул. – Меня зовут отец Гийом, я всегда здесь. Приходите, когда ваши вопросы не найдут ответа.

Фигура в серой рясе растаяла в тени колонн, а я продолжала сидеть озадаченная. Что это было?

В общем-то, маги редко бывают связаны с какой-либо религией, слишком циничный взгляд на мир вырабатывается у нас с годами. И я не исключение. Галлия, как и прочие государства Союза королевств, давала равные права всем религиям, кроме совсем уж людоедских

сект. В моей семье были и поклонники богини Дану, и приверженцы Единого, даже почитатель пророка один затесался. Какие вопросы может помочь мне решить служитель Единого? Зачем? Да он моложе меня раз в десять!

Я решительно встряхнула головой и вышла из под сводов церкви.

Марджори вернулась домой только к ужину, и я поняла, что ответа на вопрос «Кто?» у нас пока нет. Придется ей провести в архиве еще день, а может быть, и не один... Покончив с запеченной рыбой, она зевнула и отправилась в свою спальню, а я попросила у Бакстона еще чашку кофе. Кто знает, насколько затянется допрос Гонтара Дюнуа?

Сидя в мягком кресле, обитом серо-голубой кожей, я потихонечку потягивала аква-виту из широкого стакана с тяжелым дном и с интересом наблюдала за Гонтаром Дюнуа, пытавшимся усесться поудобнее на жестком стуле в тринадцатом кабинете. Вот он попытался вскочить, видимо, чтобы размять ноги, но на плечо ему тут же опустилась тяжелая рука охранника-орка. В ту же минуту дверь тринадцатого кабинета распахнулась, и вбежал чрезвычайно деловитый гном с огненно-рыжей бородой. Он остановился возле сидящего на стуле Дюнуа, негромко сказал: «Ага!» и сам себе усердно покивал. Потом в два шага добежал до стола, ловко обогнул его и сел в кресло с высокой спинкой.

В тринадцатом кабинете повисло молчание.

Молчал рыжебородый гном, вертя в пальцах толстый красный карандаш.

Молчал охранник, равнодушно чистящий ногти здоровенным кинжалом.

Молчал и ошарашенный Гонтар Дюнуа, почтенный торговец всем на свете.

Только я давилась смехом за портретом короля, написанным на одностороннем стекле.

Глава 7

Мизансцена была отыграна просто блестяще, у меня бы точно так не получилось. Ошарашенный Гонтар не сразу даже понял, о чем его спрашивают, а когда понял, рассказ его полился практически без остановок.

Правда, по его словам, он и не собирался принимать участие ни в каком заговоре с целью свержения короля Луи. Он, Гонтар Дюнуа, просто хотел набрать побольше информации о заговоре и его организаторах, чтобы потом все материалы передать бесконечно уважаемой службе безопасности.

Рыжебородый гном – а если говорить точнее, колонель Граурн Брихсдорн, старший следователь Службы магической безопасности Союза королевств, слушал купца, иногда кивая и движением пальца вызывая на экране компьютера досье на называемых им лиц. Та же информация отражалась и на экране в моей комнате.

Человек, которого Дюнуа назвал главой заговора – Жан-Кристоф Корбюзон, девятый граф Лаваль. Сорок семь лет, брат жены третьего сына герцога Монтгомери. Н-да, это называется – двоюродный плетень нашему забору. Тем не менее, по праву родственника вполне может претендовать на роль воспитателя малолетней особы королевской крови.

Его правая рука – баронесса Джулия Макмердок. Тридцать пять лет, фамилия по последнему мужу, с которым она развелась четыре года назад. Это был ее четвертый брак. Предыдущий муж, синьор Мигуэль Каррачиола из Барсы, умер шесть лет назад в возрасте восьмидесяти семи лет. Непонятно пока, что она хочет получить от участия в заговоре, поскольку живет преимущественно в Спанье и в Бритвальде.

Казимир Малиновский, подданный княжества Польского, сбежавший из тюрьмы в Варшаве два года назад. Авантюрист, пробы ставить негде. Говорили, что начал он свою карьеру с продажи прав на поставку гелия для заполнения оболочек дирижаблей, производимых заводами Гинденберга в Дойчланде, некоему перуанскому бизнесмену. При этом Малиновский не имел никакого отношения к заводам, Гинденбергам и вообще Дойчланду. Правда, до сего момента он никогда не был замечен в политических интригах, как и в чем-то, связанном со смертоубийством. Ну, или годы пана Малиновского сильно изменили, или его играют втемную. Выясним.

Более никого из участников заговора Гонтар Дюнуа не знал, как ни допрашивал его колонель Брихсдорн. Перечитав протокол допроса, колонель сказал Гонтару, потянувшемуся уже за пером, дабы подписать:

– Нет-нет, подождите уважаемый Дюнуа. Я-то с вами закончил, но вот еще один человек хотел бы вас кое о чем расспросить, – и кивнул мне.

Ну что же, мы тоже умеем выстраивать мизансцены. Я прошла через портал, выстроив его наиболее эффективным способом, со светящейся синей каймой и золотыми искрами, и остановилась перед Дюнуа, похлопывая лайковыми перчатками по левой ладони.

– Здравствуйте, господин Дюнуа.

– Мадам, – приподнялся он со стула, опасливо косясь на охранника.

– Вы меня знаете? – поинтересовалась я, присаживаясь на край письменного стола.

– Простите... не имею чести!

– Странно, господин Дюнуа! Очень странно. Получается, что вы планировали обокрасть человека, которого даже в лицо не знаете?

Гонтар несколько побледнел.

- Я... я не понимаю, о чем вы говорите!
- Мое имя – Лавиния Редфилд. Сидеть! – Воздушные полосы надежно прижали беднягу к неудобному стулу. – Я вижу, имя мое вам известно.
- Д-да...
- Так вот, я хотела бы знать, кто сообщил вам и вашим поделщикам о свойствах камней Коркорана? И что именно вам о них известно?
- Но, мадам Редфилд, я знаю об этом только то, что рассказывал мне граф Лаваль.

Ага, и глаза такие честные, что прямо так и тянет немедленно доверить именно тебе сохранность Государственного банка.

Очень не хочется считывать информацию ментальными способами. После прошлого раза, когда мне пришлось искать в мозгах у Лешего портрет заказчика, еще долго было желание вывернуть череп наизнанку и промыть собственные мозги холодной водой. Во-первых, голова после ментального считывания болит. Во-вторых, ощущение такое, будто погружаешься в помойку – мысли у этих ребят чаще всего коротенькие, но грязненькие. Ороочи шаманы умеют как-то выделять именно тот участок на «полке», где хранятся нужные мысли и образы, но у меня так пока не получается. Может, тренируюсь мало? Надо будет в конце лета поехать снова в Оргриммар, поговорить с Великим шаманом эрхэмом Буздуком.

– Закройте глаза, Дюнуа, и посидите тихо, – сказала я с тяжелым вздохом. – О господи! Колонель, мы, кажется, перестарались. У вас есть нашатырь?

Ватка с нашатырем сделала свое дело, и я, положив ладонь на лоб Гонтара, погрузилась в его мысли. Надо отдать должное купцу, думал он в основном о деле. Образы наслаивались и сливались, я отбрасывала ненужное – помощник на складе, жена, партнер по торговле с Чиной, жених дочери, оптовый покупатель... Так, вот и Лаваль. Идем глубже. А ведь не врет Дюнуа, и в самом деле про камни ему только Лаваль рассказывал. Один раз, ровно в том разговоре, который племянничек подслушал. Вторая встреча у них была назначена на ближайшие выходные, и Дюнуа собирался наотрез отказаться от участия в заговоре.

Я стряхнула ладони и спросила миролюбиво:

– Господин Дюнуа, вы ж и не собирались в их игры играть, так ведь?

– Не собирался, – теперь он смотрел на меня смелее. – Хотел время потянуть, этот... нехороший человек ведь прирезал бы, и слова не сказал. А теперь уж и не знаю, как быть, может, он вроде вас, рукой повел, и мысли прочитал?

– Это вряд ли, – покачала я головой. – Но, тем не менее, встречаться вам с ним не нужно. А нет ли у вас каких-нибудь срочных дел, требующих поездки недели на две-три подальше от Лютеции?

– Есть, конечно. Вот в Паленке отделение открываю. Думал, правда, старшего сына с помощником послать, но могу и сам с ними съездить.

– Вот и замечательно, и остальную семью куда-нибудь... на воды отошлите. Не думаю, чтобы им что-то грозило, но на всякий случай...

Распрощавшись с Гонтаром Дюнуа, я вызвала по коммуникатору Бельфора. Он был в своем кабинете, несмотря на позднее время, и я попросила его открыть мне портал на вход. Бельфор встал мне навстречу, устало потер лицо руками и спросил:

– Выпьешь что-нибудь?

– Нет, пожалуй, устала я что-то. Ты уже в курсе, что Дюнуа ни при чем?

– Да, я поглядывал одним глазом за допросом. Что теперь? За Лавалем и прочими надо бы присмотреть, я скажу ребятам, пусть повесят там «глаза» и «уши». Но мы по-прежнему не знаем, кто придумал всю эту комбинацию.

– Думаешь, за Лавалем кто-то стоит? – пожалуй, я не была удивлена таким предположением.

– Полагаю, да. И, по моему мнению, это кто-то из старых магов. Кто-то, кому пришлось отойти от дел, – Бельфор снова поморщился и потер правый висок.

– Давай я тебе головную боль сниму, – предложила я. Как ни удивительно, но даже самые сильные маги практически не могут лечить сами себя. А уж мигрень снять – это вообще дело невероятное.

– Не снимается, – он досадливо качнул головой. – Уже кто только не пробовал, вот сидит в виске иголка, и все. Будто навели, только, кто ж на меня наведет...

– Что возвращает нас к вопросу о старых магах, не так ли?

– Так... Лавиния, поищи в архивах своей семьи. Что-то где-то мы упускаем. Понять бы, что...

– Поищу. Открывай мне портал, и сам не задерживайся. Завтра тоже будет день.

Но назавтра с утра магический вестник принес мне известие о том, что Жак Бельфор, глава Службы магической безопасности Союза королевств, был найден в своем кабинете мертвым.

Глава 8

Через десять минут после получения сообщения я выпрыгнула из портала перед воротами особняка Службы на улице Vaugirard. Охранник у входа знал меня лучше, чем собственную ладонь, но все равно проверил слепок ауры и скан сетчатки. Ах, да что тут запирать конюшню, когда лошадь давно увели! Не верю я в естественность смерти Жака, какие бы доказательства мне ни предоставили. С этими словами я и влетела в его кабинет.

Но никто и не собирался предоставлять доказательства.

Жан-Клод Равашаль, заместитель Бельфора, стоял возле его стола и перебирал папки с документами. Колонель Брихсдорн сидел, развалившись, в кресле возле журнального столика и меланхолично пересыпал из одной огромной ладони в другую металлические шарики. Еще один участник этого молчаливого совещания, незнакомый мне эльф, высокий и неожиданно широкоплечий, стоял возле самого дальнего окна и смотрел наружу, слегка отодвинув край шторы.

– Лавиния, привет! – вяло сказал Равашаль. – А мы тут, видишь, совещаемся...

– Вижу, – вздохнула я, садясь в кресло напротив Брихсдорна. – И как успехи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.